

Цин Гэ склонила голову набок. Хотя её движения были непринужденными, а тон — насмешливым, каждое слово, слетавшее с её уст, обретало пугающую весомость и непреложность. Она чеканила их, глядя прямо на двух стражей Спеды:

— Но я, Цин Гэ, могу поклясться собственной жизнью: пока я дышу, я никогда не причиню вреда своей стране и своим верным друзьям.

Так или иначе, как бы ни противился маршал Фернандо, под давлением суровой реальности и сладких речей Цин Гэ он всё же согласился объединить три армии. Разбив на месте лагерь с кое-какими палатками, они оставили здесь основную часть тяжёлой брони и провианта. Налегке, с минимумом снаряжения, войско устремилось к городу Чжэньянь, жаждая вдвойне отомстить за позор, когда их застали врасплох ещё до начала сражения.

— Там, где таится жизнь, и там, где исчезает всё сущее, внемлите, боги! — Цин Гэ с силой ударила посохом из кленового дерева о землю и, вскинув голову, громко воззвала к безоблачному небу: — Божественное нисхождение, скройте сияние!

Вслед за мягким белым свечением те огромные горы припасов и провизии, что были оставлены позади, начали бледнеть под воздействием техники скрытности, пока вовсе не растворились в воздухе. В рядах солдат пронёсся вздох изумления и ропот — многие из них до этого дня ни разу не видели мага, не говоря уже о технике такого масштаба и такой поразительной эффективности.

Это была усовершенствованная Цин Гэ техника скрытности, а ведь только маги 5-го ранга и Святые Маги могли изменять заклинания по своему усмотрению, не опасаясь ответного удара магии! Маршал Фернандо смотрел на неё с подозрением, однако выдержка и снисходительность, присущие человеку его лет, позволили ему мгновенно вернуть невозмутимое выражение лица. Он позволил отряду магов и алхимиков из Императорской академии завершить защитные меры, и в считанные мгновения вокруг лагеря был воздвигнут непроницаемый магический барьер.

— Всей армии — выдвигаться к городу Чжэньянь! — проревел маршал Фернандо, высоко подняв меч. — Разбойник Яке воспользовался хаосом и вторгся на наши земли, пришло время заставить их...

— Заплатить кровью! Заплатить кровью!

Цин Гэ молча мягко опустила руку Хуа Сэ, которая потянулась к ней, и в одиночку взвалила на плечи боевое знамя, на котором золотилось восходящее солнце и алели тернии. В тот миг, когда она подняла Знамя Рассвета, её взгляд был полон решимости и вместе с тем пугающего холода. Даже Хуа Сэ, её ближайшая служанка, с которой они делили и радость, и беды, в этот момент не нашла слов, чтобы обратиться к ней.

Город Чжэньян. Мрачное, сырое подземелье.

Кайсар, пребывавший в полубессознательном состоянии, едва заметно шевельнул губами. С той самой ночи, когда несколько дней назад их отряд был разбит внезапной атакой армии Яке, их окружила группа, состоящая сплошь из ходячих мертвецов. Некромантия всегда считалась коварной и трудноконтролируемой магией, а потому в Империи Османов она воспринималась как предвестие беды. Никто её не изучал, и, естественно, мало кто задумывался, как вести себя при встрече с некромантом.

— Ну кто может быть настолько неудачливым? — небрежно посмеивался Кайсар Оро, ведущий лектор по теории Магии и Первоистока, ни во что не ставя вопросы своих студентов.

И вот в этом году его настигло возмездие. В ту безлунную ночь, тихую до жути, когда на кончиках его пальцев теплился слабый свет заклинания освещения, он пытался найти дорогу или воссоединиться с армией. Внезапно из бескрайней тьмы вспыхнули два зелёных огонька, и на него пахнуло смрадом, смешанным с приторно-сладким ароматом.

Опираясь на многолетний опыт участия в сражениях, Кайсар, едва почувствовав присутствие неведомого врага, напряг все мышцы. В тот момент, когда зловонный вихрь настиг его, он резко припал к земле и перекатился, чудом избежав удара настигающего его тяжёлого предмета.

Подняв голову, он невольно ахнул.

Перед ним стояли десятки мертвецов в серебряных доспехах. Их костлявые руки и лица, так не похожие на человеческие, выглядели ужасающе, а в пустых глазницах плясали зеленоватые огоньки. Некоторые выглядели так, будто умерли совсем недавно: куски гниющей плоти ещё висели на костях, волоочась по земле и оставляя за собой липкие, грязные следы.

Кайсар выхватил кинжал, настороженно следя за каждым движением трупов. Хотя он был магом, разве мог Шао цзюньхоу Золотого Лорда — или, вернее, любой из наследников пяти великих кланов — оказаться узкопрофильным студентом, владеющим лишь мечом или магией? Даже если ты маг, ты обязан уметь держать меч, а если у тебя нет магической силы, ты должен знать, как противостоять любым заклинаниям и массивам!

Но Кайсар, выросший в Империи Османов, никогда не видел книг или записей о некромантии, не говоря уже о способах борьбы с ней.

В этот момент он отчаянно захотел вернуться в прошлое на несколько лет назад и собственноручно придушить того самого себя, который не считал некромантию угрозой.

Как и следовало ожидать, мертвецы почти не реагировали на стихийную магию, и попытки уничтожить или сковать их заклинаниями провалились. Кайсар старался держаться на расстоянии, ища брешь в обороне, чтобы вырваться из окружения, но силы человека не бесконечны, а его короткий кинжал не наносил почти никакого урона. Стоило ему на секунду отвлечься, как скелет, напрыгнувший со спины, сбил его с ног. Хотя это была всего лишь грудa костей, удар был такой силы, что Кайсар едва не выплюнул кровь. Изящный юноша, вечно следящий за своим видом, сейчас, в грязи и пыли, с горечью подумал: хорошо, что это был скелет, а если бы ударил труп, одежду потом ни за что не отстирать.

Затем скелет нанёс резкий удар ребром ладони, и Кайсар потерял сознание. Однако перед самым забытием он успел увидеть то, чего видеть не должен был. Его тёмно-фиолетовые зрачки сузились:

— Стражи в железных доспехах!

— Кхе... кхе... — Кайсар с трудом пошевелил верхней частью тела. Он чувствовал, что одно из рёбер, скорее всего, сломано, а острая боль терзала нервы, балансируя на грани сознания. К тому же в подземелье был наложен мощный Массив Подавления Магии, блокирующий все его силы, так что он не мог использовать даже простейшее лечебное заклинание, чтобы унять боль.

Рядом раздался старческий, слабый голос:

— Кайсар? Это ты?

Кайсар в смятении попытался приподняться:

— Учитель?!

Маг Голин презрительно фыркнул. Даже будучи тяжело раненным, этот упрямый старик не растерял ни капли своей ярости:

— Разбойники Яке использовали некромантию, чтобы потревожить души моих стражей в железных доспехах! Ах, это... это просто...

Кайсар отозвался:

— Это чистое безумие, полное пренебрежение законами мироздания!

— Ты всегда был горазд только языком молотить! — старик, чувствуя досаду за ученика, стукнул

его по золотистой макушке через железные прутья решётки. — Если бы твои ноги были такими же быстрыми, как твой язык, когда ты убегал, было бы гораздо лучше!

Кайсар криво усмехнулся:

— Учитель, я ведь совсем не знал, как бороться с некромантией. Вы меня этому не учили.

Их диалог прервала звенящая тишина, нарушенная грохотом открываемой двери темницы. Отряд скелетов в серебряных доспехах вошёл внутрь и, не церемонясь с пленниками, вышвырнул их наружу.

Кайсар от боли едва не потерял сознание, а Голин, первый маг Османов, удостоился чуть более «гуманного» обращения, хотя это «гуманное» отношение не добавило ему достоинства — просто его не так сильно избили, как наследника Оро. Седой старик, весь в пыли и крови, попытался подняться, но человек, чей вес чувствовался даже по тяжелым сапогам, с силой втоптал его в пол.

— Вы, маги, небось и не думали, что однажды окажетесь в моих руках! — довольно захохотал чиновник, чьё лицо напоминало морду упитанного скота. — Увести их! Применить пытки! Они должны выдать мне пароли связи Османов и их маршруты передвижения!

Голин, будучи в преклонном возрасте, после таких ударов и падений почувствовал, как в ушах зазвенело, а из рассечённой губы потекла струйка крови. Кайсар, приходя в себя, от гнева зашёлся в кашле:

— Вы... вы отпустите учителя!

Чиновник визгливо рассмеялся:

— Как трогательно, Шао цзюньхоу Оро! Говорят, ты с детства рос без родителей, даже отца у тебя не было, правда? О, как же это удивительно — такие вот выскочки становятся высокопоставленными Шао цзюньхоу. — Он хлестнул его кнутом, и от жгучего удара половина лица Кайсара мгновенно опухла. — Почему это я, чёрт возьми, не родился в утробе твоей мамы?

— Хватит болтать! Установите тройной гравитационный массив, сломайте хребты этим двум имперским псам!

Два ряда мертвецов тут же выступили вперёд, накладывая на Кайсара и мага Голина два круглых, прозрачных магических круга.

За сотни миль от них Цин Гэ, нараспев читавшая заклинание ветра, вдруг без всякой причины замолчала.

— Что случилось, Цин Гэ? — Офелия, которая с того самого момента, как было объявлено о выступлении к фронту, не убирала руку с рукояти меча, обеспокоенно понизила голос. Под воздействием заклинаний ветра и лёгких зелий, которые распыляли маги, скорость марша обычных солдат заметно возросла, но главной движущей силой были Цин Гэ и другие маги. Когда она остановилась, скорость колонны пусть незаметно, но ощутимо упала. — Ты что-то почувствовала?

Цин Гэ медленно покачала головой, тревожно произнесла:

— Просто мне внезапно стало страшно: успеем ли мы спасти учителя и Шао цзюньхоу Оро?

— Никто не посмеет их тронуть, — утешила её Офелия. — Маг Голин — первый маг Империи. Если нет Массива Подавления Магии, кто сможет с ним справиться?

— Пожалуй, ты права. — Цин Гэ глубоко вздохнула и с ещё большей точностью начала читать заклинание, стремясь к городу Чжэньян. Однако в глубине души её предчувствие беды становилось всё тяжелее.

Лишь позже она поняла: это предчувствие шло из самой крови. Кровь Великого герцога Цин Шу бурлила и клочкотала, издавая безмолвный и яростный вопль осквернённых душ.

— А-а-а! — Кайсар, который был моложе мага Голина на много поколений, но сломался раньше него, наконец не выдержал тройного воздействия гравитации. Его спина неестественно выгнулась, но руки, подвешенные на цепях, не давали ему упасть. На его прекрасном лице застыла гримаса, как у демона из преисподней: — Отпустите... отпустите меня!

— Вы больше не можете держаться, Шао цзюньхоу Оро? — чиновник с довольной улыбкой подошёл к решётке. — Тогда скажите мне, какой у вас был маршрут движения и способы связи!

— Я... — Кайсар испытывал такой невыносимый страх и боль, что, будучи человеком, который не плакал с самого детства, в этом мрачном подземелье он впервые по-настоящему ощутил дыхание смерти. Его колени подогнулись, и он уже готов был заговорить, как вдруг...

— Постой. — Голин подал голос. — Он ещё совсем молод, всего лишь Шао цзюньхоу Золотого Лорда, что он может знать? Лучше спроси меня. Я первый маг Империи и один из командующих, я знаю всё гораздо подробнее, чем он.

— Хорошо, хорошо, хорошо! — захохотал чиновник. — Быстро, снимите их!

Он указал на стену, и отряд давно умерших стражей молча подошёл, бросив обоих на пол.

Кайсар, получив передышку, выплюнул сгусток крови и окончательно отбросил остатки своего благородства. Как бы его ни превозносили как талантливую юношу, он всё ещё оставался изнеженным молодым человеком, никогда не знавшим подобных ужасов, и теперь его единственной целью было выжить:

— Мы сказали всё, теперь ты должен нас отпустить!

— Разумеется, — улыбаясь, чиновник посмотрел на старика, который с трудом поднимался с пола. — Ну же, маг Голин, рассказывай всё, что знаешь!

Голин с бесстрастным лицом посмотрел на чиновника, сидевшего на возвышении:

— Ваша светлость, прежде чем я начну рассказывать, позвольте мне уделить несколько минут моему ученику. Мне нужно дать ему наставление.

Чиновник, решив, что Голин наконец сломался перед лицом смерти, довольно рассмеялся:

— Говорите, говорите, сколько угодно! Кстати, после того как вы всё расскажете, если вы перейдёте на сторону Яке, мы вас помилуем. А наш император даст вам гораздо больше, чем могла бы дать та длинноволосая, недалёкая женщина из глубокого дворца Османов!

Седовласый старик улыбнулся и покачал головой. В его взгляде, устремлённом на Кайсара, сквозило мягкое тепло, такое же, как много лет назад, когда он смотрел на сына своего покойного друга, и вместе с тем — холодная строгость:

— Кайсар Оро, слушай меня. Я знаю, что ты рано осиротел, и твои чувства к окружающим гораздо холоднее, чем у твоих сверстников. Ты можешь быть равнодушен к жизням обычных людей, можешь в критический момент сбежать, позволив тем, кто слабее тебя, погибнуть вместо тебя.

— Я жалею лишь о том, что учил тебя.

С тех пор как Кайсар начал обучаться у Голина, он никогда не слышал столь суровых и полных скорби слов. Его сердце охватила невыносимая тоска:

— Учитель, я...

— Не нужно слов, Кайсар, — Голин, казалось, смертельно устал. Он закрыл глаза и тяжело вздохнул. — Ты даже не чувствуешь привязанности к стране из-за абсолютного нейтралитета Золотого Лорда. Ты насмехаешься над верностью и долгом, и никогда не любил историй о тех, кто жертвовал собой ради других.

Чиновник почувствовал неладное:

— Что вы несёте! Маг Голин, вы что, жить не хотите? Вы закончили свои наставления?

Голин в последний раз взглянул на Кайсара, словно в нём больше не осталось привязанностей к этому миру. Его старческий голос внезапно окреп и зазвучал, разносясь по земле, которая видела немало крови тех, кто погиб с честью, и ещё больше тех, кто пал жертвой несправедливости:

— Сегодня я научу тебя, что такое верность и долг! Что такое страна и дом! Что значит не жалеть ни о чём, даже пройдя через девять смертей! Что значит идти вперёд, даже если против тебя тысячи! Смотри внимательно!

— Разбойники Яке! Первый маг Империи Османов, Голин, родился сыном Османов и умрёт душой Империи! Вы, подлые ничтожества, вызвали души павших воинов нашего государства, потревожили их покой — сегодня я клянусь, что не встану с вами в один ряд!

— Голин... Учитель Голин... — Кайсар вскрикнул, его глаза налились кровью, и из груди вырвался нечеловеческий вой раненого зверя. — УЧИТЕЛЬ!

Мозги, смешанные с кровью, брызнули на стену, несколько капель попали на лицо Кайсара. Седовласый старик наконец закрыл глаза, и его тело с глухим стуком упало на землю. Его прямая спина, подобно его собственному характеру, даже после смерти не согнулась ни на йоту.

Так погиб первый маг Империи Османов, Голин. Ему было сто лет.

— Отрубите голову этому старому псу и повесьте её на внешней стене! — взревел чиновник, чьё лоснящееся от жира лицо побагровело. — Он хотел верности и долга? Что ж, я исполню его желание!

Кайсар оцепенело смотрел на безжизненное тело учителя. Глаза, которые так долго саднило, наконец не выдержали, и слёзы хлынули потоком. Но он плакал беззвучно, припав к земле, вдыхая пыль, от которой жгло в лёгких.

— Учитель, зачем же вы так...

Молчаливые, лишённые чувств мертвецы окружили его, с силой, способной раздробить кости,

подняли и бросили в камеру, быстро заковывая в кандалы. Кайсар сидел неподвижно, погружённый в мёртвую тишину, так что чиновнику, желавшему продолжения зрелища, стало скучно.

Это случилось, когда Кайсар был ещё ребёнком. Во время поездки по своим землям карета Золотого Лорда и его супруги сорвалась с обрыва. Их тела, которые привезли обратно, были растерзаны дикими зверями. Маленький мальчик с золотистыми волосами стоял перед телами родителей, накрытыми белой простынёй, и рыдал так горько, что его лицо испачкалось в слезах и соплях, выглядя жалко и беспомощно.

Но никто не осмелился — да и не захотел — протянуть ему платок. Те, кто называл себя его дядьями, братьями и сёстрами, хотя и склоняли головы в притворном горе, на самом деле скрывали за слезами свои тайные расчёты и злорадство.

— Это же наследник Золотого Лорда, он наверняка что-то знает!

— Даже если этот мальчишка не поможет, одного того, что уже есть... — усмехнулся кто-то, достаточно громко, чтобы Кайсар услышал: — Хватит нам на несколько жизней вперёд!

Это было наследство Золотого Лорда! Семья, контролирующая экономику всей Империи, живущая на краю пустыни, где скрыты неисчислимые залежи руды! Движимые алчностью, бесчисленные «родственники», о которых Кайсар никогда не слышал, потянулись к северной пустыне в надежде урвать кусок.

И вот в день похорон, когда должно было начаться официальное деление наследства, к воротам дома Оро прибыл незваный гость, заставивший всю семью выйти на поклон.

Первый маг Империи Османов, Голин.

— Ты Кайсар? — старик с седой бородой потрепал его по голове и, долго копавшись в кармане, достал конфету, протянув её мальчику. — Я прибыл по приказу королевы, чтобы присматривать за тобой. Отныне ты — мой ученик.

Увидев ледяную пустоту в глазах Кайсара, Голин тяжело вздохнул и снова растрепал его волосы:

— Не бойся, всё наладится. Хороший мальчик.

Все те, кто жаждал растащить наследство, ушли ни с чем. А маг Голин, как и просила королева, взял Кайсара в ученики и, не взяв ни гроша, со всей душой воспитал его. Прошли годы, и тот мальчик, что когда-то рыдал над телами родителей, вырос в юношу, поразительно

похожего на отца. В каждом его движении сквозила аристократическая утонченность, а в
ясных, как кристаллы аметиста, глазах светилась пугающая, почти жестокая
проницательность.

<http://bllate.org/book/19150/1880632>